

Александр Щедринский

Когда бы меня целовала

* * *

не двинуться. сиди в своем углу.
пусть говорят, что выбор твой банален:
на стуле, на диване, на полу
иль приколов себя к одной из спален
в районе постинфарктного совка.
здесь всё одно: что люди, что собаки.
а общество ковра и потолка
похоже на кубизм в цветной бумаге.
пусть за окном проходит день за днем
и танки заменяют на спорткары.
но все равно, коль долго мы живем,
то кончится титаником, икаром –
трагедией, закупоренной в цинк.
мир хэппи-эндом нам не обещает.
господь распят, ганеша отдан в цирк.
анубис на весах пером страшает.
куда мне деться? истина в вине.
хлебну. мой дом, как палуба, пусть едет.
и маяком лампада на стене
мерцает, будто миру что-то светит.

* * *

а было, положим, зимой,
когда ты меня целовала,
когда над страной – бог ты мой –
висело небес покрывало,

как цинк среди живой кутерьмы.
но время – тик-так – не догонишь.
и вот уже, стылые, мы
сидели в зеркальном вагоне.

а помнишь, я к слову тогда
пристраивался, примерялся.
во всем виноваты года,
что в трении я истесался,

зато научился терпеть
над строчкой, над женщиной, жизнью.
терпение – пробная смерть,
когда за спиной – пол-отчизны

стоит, изнывает и ждет.
и ты с нею ждешь соразмерно.
а снег по привычке идет
все так же бездарно, наверно.

и ты где-то там, да и я
кого-то под небом целуем,
и сладкая чаша сия
пропитана новым июнем.

и не возвращаться назад
в вагоне торжественно-синем,
который, сличив циферблат,
мы в первую полночь покинем.

* * *

а хочется так просто быть собой.
когда слетит последнее позерство.
чтоб твои раны пес сторожевой
лизал с неутолимостью обжорства.

спиной, усталый, съедешь по стене
и голову на грудь птенцом уронишь,
как тополь, что склонился по весне
в каком-нибудь задымленном районе.

вокруг несется время, электрон
за электрон цепляясь, множит скорость.
а ты решил: чай, шашки и вагон –
последнее, что может быть опорой.

не перейдя в постисторичный бег,
ты смотришь постсоветский телевизор
и ешь какой-то штрудель на обед
на старческой натертости сервиза.

я не люблю эпоху торжества
безликой бестелесности машины.
чтоб убедиться в том, что дважды два –
четыре, нужно лишь не быть кретином.

все так переменилось. взмах рукой –
и кто-то будто дал указ: меняйте!
и поколенья пнули на убой,
где всяк себе отныне гауляйтер.

но всё же мы, бывалый эшелон,
не сбрасываем опыт свой со счета
и пристально глядим на общий кон,
который отобрать мечтает кто-то.

мы думали, конец: господь, гряди.
что песня наша сбилась и охрипла.
но сколько ждет на свете впереди –
когда всего лишь молодость погибла.

а прочее... а прочее – вот-вот.
и оттого задорны наши лица.
что старый дождь на новый лад пройдет,
не смыв черты сентябрьской столицы.

пусть юность запирается в хай-тек,
а нам оставит море и девчонок,
благословляя этот прежний век
быть вечностью для дяденек под сорок.

* * *

В гончарном круге господи ищи,
Гончар, что лепит чудо из печи.
Найди его в лечении, хирург,
И крикни, что Он вправду демиург.
Сапожник пусть отыщет в сапогах
Его, палач – в летящих головах.

Но если, скажем, пекарь ищет свет
В гончарстве, то, конечно, Бога нет.

* * *

не то чтоб время не стирало нас
в потусторонней памяти зеркальной.
стоящий у окна ночной анфас,
нависший силуэт над нами в спальне.

оно уходит. словно крик в ночи.
но только перед тем, как исказиться,
скользнет в карман, заденет там ключи
и в стенах, словно мячик, отразится.
ну а потом – слова, что конденсат,
над городом рассеются, чтоб в мае
дождями возвратиться к нам назад,
пока ты едешь в утреннем трамвае.
я, верно, позабыл слова любви.
все чаще я считаю пульс и деньги.
мир сотворен у бога на крови,
и с этим ничего, увы, не сделать.
но все же смерть – кончина суеты,
земли с луною треснувшие блюдца.
а то, что трубку там берешь не ты, –
отличный повод лечь и не проснуться.

* * *

постель свежа. твой город под дождем
шумит под стать ночному океану.
и каждый нерв, обтесанный ножом,
вдоль ливневых полос в одно протянут.
чиста душа. все выметено вон.
колени обхватив, глядишь наружу.
и утренний трамвайный перезвон,
церковному подобно, тешит душу.
все то, что нужно, есть. сиди, дыши.
будь благодарен ветру за дверями
и тих, как мышь, что влезла в камыши,
подобно сказке с бурыми тенями.

* * *

да. жить. хоть как-нибудь, но только жить,
но просто жить, ложась и просыпаясь.
подавленная плоть листом дрожит
в мгновеньях от потерянного рая.
расколотое общество зверья
само себя жует на пепелище.
а где же я? а что же? как же я?
я просто тень. никто меня не ищет.
не плакать. ведь слезам не веришь здесь
ты сам. рвать на груди своей рубаху.
потом, в костер уставившись, присесть,
не чувствуя ни радости, ни страха.
впервые ощущая в голове
то легкость, то оргазм от завершенья,
уснуть росой в утренней траве,
соотнесясь с земным сердцебиеньем.

* * *

когда уже и некому кричать,
и связки обветшали, словно нити,
как раз тогда стихам твоим в печать
и прозе заявляют «заходите».
когда не нужно в жизни ничего,
а просто в стенку пялиться бездумно,
тогда девчонки горя твоего
вдруг возвратятся все походкой лунной.

не чтобы сокрушиться надо всем,
не чтоб сырозинировать над этим –
ты, словно составная из лексем,
содержишь лишь структуру. не во цвете,

не в чувстве ли, в эмоции живя.
cogito ergo sum тебя исправит,
как в дождь на два деленного червя
разумность кольцевая душу плавит.

так, жизнь в пути, когда она за нас,
подобна продвижению из мрака
ко свету, где в конце – олимп, парнас,
аидова трехглавая собака.
но точка старта – смерть. всегда она.
и, обеляясь грязью от подошвы,
идешь на свет. а там – одна стена.
и лампочка, и надпись: «поздно. что ж вы?».

коль есть конец (не наш, а вообще),
то следовало б думать о прошедшем.
о детстве, о любимой в шалаше,
о преходящем, выпавшем, отцветшем.
когда, рубеж заветный перейдя,
ты обнаружишь просто оборот там
того, что вне, то капельки дождя
вновь выделяют тебя, что ждет кого-то.

